

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А. А. Шулаков*

Разграничение внутренних и трансграничных правоотношений

Аннотация. В статье исследуются проблемы разграничения трансграничных и внутренних правоотношений на основе критериев, касающихся действия императивных норм в международном частном праве. Детальный анализ отечественных и зарубежных правовых актов и доктрины позволяет сделать вывод, что критерием для определения правоотношения внутренним является связь всех касающихся существа отношений сторон обстоятельств только с одной страной. В исследовании отмечается, что существенность (значимость) тому или иному элементу правоотношения придает не сам по себе тот или иной территориальный контакт, а наличие существенного публичного интереса, обеспечиваемого правом, тесно связанным с территориальным контактом. При отсутствии в правоотношении существенных иностранных публичных интересов такое правоотношение является внутренним (коллизия — ложной). Существенные коллидирующие в правоотношении публичные интересы иностранных правопорядков, связанные с тем или иным территориальным контактом, указывают на то, что данное правоотношение является трансграничным (романо-германская доктрина), коллизия истинной (американская доктрина). Для выбора применимого права и во внутреннем, и в трансграничном правоотношении следует руководствоваться принципом наиболее тесной связи, предусматривающим применение судом права той страны, которое связано с наименьшим ущербом для публичных интересов (ценностей), затронутых этим отношением.

Ключевые слова: внутреннее правоотношение, ложная коллизия, трансграничное правоотношение, истинная коллизия, территориальный контакт, существенный элемент, публичный интерес, императивные нормы, применимое право, наиболее тесная связь.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.93.8.171-180

Ряд зарубежных и отечественных ученых проводят разграничение трансграничных и внутренних договорных правоотношений на основе критериев, указанных в положениях законодательства, касающихся действия/применения императивных норм в международном частном праве. Такими критериями и в российском, и в европейском законодательстве (п. 5

© Шулаков А. А., 2018

* Шулаков Андрей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
docent-law@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ст. 1210 ГК РФ¹; п. 3. ст. 3 Регламента ЕС «Рим I»²) являются слова: «все» («все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства» — ГК РФ; «все другие элементы, имеющие отношение к ситуации» — Рим I) и в «одной стране» («связаны только с одной страной» — ГК РФ; «находятся в стране, отличной от той страны, право которой выбрано» — Рим I)³.

Очевидно, что эти же критерии действуют и для разграничения внедоговорных правоотношений, построенных в законодательстве РФ и ЕС по аналогичной схеме — «все» и «в одной стране» (п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ⁴ и п. 2 ст. 14 Регламента ЕС «Рим II»⁵). Пункт 6 ст. 1210 ГК РФ⁶ позволяет распространить критерии разграничения внутренних и трансграничных пра-

¹ «Если в момент выбора сторонами договора подлежащего применению права *все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной* (здесь и далее курсив наш. — А. Ш.), выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства» (Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552).

² «Если *все другие элементы, имеющие отношение к ситуации* на момент выбора права, *находятся в стране, отличной от страны, право которой выбрано*, то выбор сторон не должен наносить ущерб применению положений права этой другой страны, от которых не разрешается отступить посредством соглашения» (Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС № 593/2008 от 17.06.2009 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») // Official Journal of the European Union. L 177/6. 04.07.2008. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32008R0593> (дата обращения: 1 декабря 2017 г.)).

³ По мнению американского профессора С. Симеонидеса, выбор составителями Регламента «Рим I» слова «все», а не слова «большинство» или его эквивалента является, очевидно, преднамеренным. Этот выбор слов, берущий свое начало в Римской конвенции, означает, что п. 3 ст. 3 Рим I представляет собой препятствие только в полном объеме *для внутренних контрактов*, в отличие от мультиштатных (multistate) или международных (international) контрактов. Таким образом, резюмирует С. Симеонидес, до тех пор как договор имеет какие-либо контакты с более чем одной страной, стороны могут выбирать законодательство любой другой страны, в том числе и то, которое испытывает недостаток в какой-либо связи (см.: *Symeonides S. C. Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective // Convergence and Divergence in Private International Law — Liber Amicorum / K. Boele-Woelki, T. Einhorn, D. Girsberger, S. Symeonides (eds.). Eleven International Publishing, 2010. Pp. 513—550. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1697372 (дата обращения: 1 декабря 2017 г.)). К подобным выводам приходит и английский профессор Саймон Вайтакер, отмечая, что п. 3 ст. 3 Рим I регламентирует выбор сторонами применимого права *только для внутреннего договора* (см.: *Whittaker S. The Optional Instrument of European Contract Law and Freedom of Contract // COM. Green Paper. 2010. 348. P. 7*). Профессор А. В. Асосков придерживается тех же взглядов на норму п. 5 ст. 1210 ГК РФ (подобную европейской), указывая на то, что «установленное этой нормой ограничение в основном ориентировано на так называемые чисто *внутренние договоры* (курсив наш. — А. Ш.)» (см.: *Асосков А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 2. С. 3—28*).*

⁴ «Если в момент совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших причинение вреда или неосновательное обогащение, *все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной*, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства».

⁵ «В случае, если в момент, когда происходит юридический факт, влекущий наступление вреда, *все элементы, имеющие отношение к ситуации, находятся в стране, отличной от страны, право которой выбрано*, то выбор сторон не должен наносить ущерб применению положений права этой другой страны, от которых не разрешается отступить посредством соглашения» (Регламент № 864/2007 Европейского

воотношений, указанные в п. 5 ст. 1210 ГК РФ, на все другие частнопроводные отношения, не охваченные нормами ни п. 5 ст. 1210, ни п. 2 ст. 1223 ГК РФ (например, на преддоговорную ответственность (*culpa in contrahendo*), действия в чужом интересе без поручения, кондикционные обязательства⁷).

Вместе с тем в качестве разграничителя внутренних и трансграничных отношений, помимо указанных выше двух критериев («все» и «в одной стране»), следует выделить еще один. Не международным (внутренним) правоотношение может быть признано не только при отсутствии в нем вообще какого-либо иностранного элемента⁸, но и при *наличии в правоотношении такого иностранного элемента, который является несущественным (нерелевантным)*, т.е. «не касается существа отношений» (п. 5 ст. 1210, п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ), «не имеет отношения к ситуации» (п. 3. ст. 3 Регламента ЕС «Рим I», п. 2 ст. 14 Регламента ЕС «Рим II»)⁹.

В пункте 1.19 Комментариев к Гаагским принципам о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам, 2015 г. (далее — Гаагские принципы) приводятся примеры договоров, не имеющих международно-

го характера в связи с тем, что фигурирующий в договоре иностранный элемент является *несущественным (нерелевантным)*. К таким договорам авторы Комментария относят, в частности, договор продажи материальных товаров, производимых за рубежом в государстве Y (или в нескольких государствах), в котором все существенные элементы договора расположены в государстве X (отечественная продажа). Не подпадают под требования международного характера договора также факты ведения преддоговорных переговоров за рубежом, использования в договоре иностранного языка.

Иностранный элемент признается *существенным, значительным (relevant element)*, если при его появлении правоотношение становится трансграничным (имеет международный характер).

В пунктах 1.16—1.18 Гаагских принципов предлагается выявлять этот существенный (релевантный) элемент с помощью двух тестов (шагов). К первому тесту (шагу) относится нахождение *делового заведения сторон (parties' establishments)* в разных государствах. Если сторона имеет более чем одно деловое заведение, соответствующим учреждением является то, ко-

Парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») // Official Journal of the European Union. L 199/40. 31.07.2007. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32007R0864> (дата обращения: 1 декабря 2017 г.).

⁶ «Если иное не вытекает из закона или существа отношений, положения пунктов 1—3 и 5 настоящей статьи, соответственно применяются к выбору по соглашению сторон права, подлежащего применению к отношениям, не основанному на договоре, когда такой выбор допускается законом».

⁷ См. подробнее: *Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Грачев В. В.* [и др.]. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : учеб.-практ. комментарий / под ред. д. ю. н., проф. А. П. Сергеева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. Ч. 3.

⁸ Немецкие коллизионисты Х. Кётц и Ф. Лорман в качестве примера такого рода отношений приводят договор, по которому постоянно проживающий в Германии продавец может договориться со своим клиентом, также германским гражданином, о применении швейцарского права. Этот договор распространяется только на диспозитивные нормы, императивные нормы германского права остаются для сторон договора незабываемыми (см.: Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии : пер. с нем. М. : Бек, 2001. С. 235).

⁹ Последние редакции этих норм в европейском и российском законодательстве доказывают правоту тех отечественных авторов (Г. К. Дмитриева, Н. Г. Вилкова), которые указывают на применение данной нормы в тех случаях, когда правоотношение содержит незначительный (несущественный) иностранный элемент (см. подробнее: *Асосков А. В.* Трансграничные и внутренние контракты: пределы автономии воли сторон при выборе применимого права // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 4 ; Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. С. 170).

торое имеет наиболее тесную связь с договором на момент его заключения. В качестве второго теста Гаагские принципы указывают на ряд остальных релевантных элементов, которые не должны находиться в одном и том же государстве, например, *место заключения контракта, место исполнения, национальность стороны и место регистрации стороны контракта или ее подразделения*¹⁰.

Подобный подход установлен также в ст. 1 Межамериканской конвенции «О праве, применимом к международным контрактам» 1994 г.: «Под международным контрактом понимается контракт, стороны которого имеют обычное место жительства или коммерческие предприятия в различных Договаривающихся государствах, или контракт, имеющий объективную связь более чем с одним Договаривающимся государством»¹¹.

Вместе с тем в доктрине и судебной практике справедливо подчеркивается, что целый ряд территориальных элементов, считающихся в одном случае существенными (релевантными), придающими договору трансграничный характер, тем не менее в ряде случаев считаются несущественными (нерелевантными) и не превращают договор в трансграничный. Так, например, одного *места заключения договора* за рубежом недостаточно для использования этого элемента в качестве критерия установления международного характера договора, если все остальные существенные элементы контракта связаны, например, с отечественным правом. Не превращает контракт в трансграничный и одно только *гражданство стороны договора* (например, турецкий гражданин, постоянно проживающий в Германии, продает там специфические восточные пряности или сладости). *Место нахождения головного офиса юриди-*

ческого лица не имеет юридического значения и не может превратить внутренний контракт в трансграничный, если такой договор был заключен через коммерческое предприятие, находящееся на территории другой страны. Не является трансграничным и договор, связанный с состоявшимся ранее *импортом предмета договора*¹². Во всех этих примерах иностранный элемент носит столь несущественный (незначительный) характер, что не может влиять на существо правоотношения, связанного только с одной страной.

Таким образом, ответ на то, что лежит в основе существенности (значительности) или несущественности (незначительности) одного и того же иностранного элемента, требующего в одном случае учитывать, а в другом не учитывать иностранное право, современное романо-германское право, в том числе Гаагские принципы, не дает. Это позволяет сделать вывод, что в законодательстве стран, принадлежащих к романо-германской правовой системе, существенность (релевантность) иностранного элемента определяется только набором примеров, указывающих на территориальные контакты (национальность стороны, место заключения контракта и т.п.), т.е. иллюстративно. Точности в разграничении внутренних и трансграничных отношений, а также в определении применимого к этим отношениям права такой подход не дает.

Не дают ответа на этот вопрос и два фигурирующих в доктрине для разграничения внутренних и трансграничных правоотношений подходов (тестов) — коллизионный/юридический и экономический/функциональный. Коллизионный/юридический подход ориентирует правоприменителя на использование в качестве существенных (релевантных) тех элементов кон-

¹⁰ Гаагские принципы о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам 2015 г. // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=135#text> (дата обращения: 1 декабря 2017 г.).

¹¹ См.: Межамериканская конвенция «О праве, применимом к международным контрактам» (Мехико, 17 марта 1994 г.) (неофициальный перевод с английского языка Н. Г. Вилковой) // URL: <http://uristinfo.net/dogovornoe-pravo/99-dogovornoe-pravo-v-mezhdunarodnom-oborote/2510-mezhamerikanskaja-konventsija-o-prave-primenimom-k-mezhdunarodnym-kontraktam.html> (дата обращения: 1 декабря 2017 г.).

¹² См. подробнее: Асосков А. В. Трансграничные и внутренние контракты...

тракта, которые указаны в привязках коллизионных норм. Экономический/функциональный подход требует не столько обращать внимание на формальное наличие того или иного локализованного за рубежом элемента, сколько оценивать связь контракта с областью международной торговли и оказания услуг. Оба этих подхода критикуются в доктрине.

Коллизионный/юридический подход подвергается серьезной критике за *механистическое* решение проблемы, не учитывающее современного международного оборота, функциональной (экономической) связи контракта, например, с другим трансграничным договором и т.п. Очевидным недостатком функционального/экономического подхода является *отсутствие предсказуемости и определенности*, предполагающее высокую долю усмотрения суда. Объединение коллизионного и экономического подходов, предложенное в отечественной доктрине А. В. Асосковым¹³, также не решает задачу разграничения внутренних и трансграничных правоотношений по той причине, что объединение механистичности (коллизионный подход) и непредсказуемости (экономический подход) в совокупности дает только «механистическую непредсказуемость». Очевидно, что оценка не только экономической, но и любой другой связи правоотношения с правом определенной страны должна осуществляться на основе универсальных критериев. Однако эти критерии ни в одном из подходов (тестов) не указаны.

Данная проблема может быть решена на основе определения существенности (значимости) публичных интересов, связанных с тем или иным территориальным контактом. Как отмечается в доктрине, публичные интересы охватывают все традиционные частноправовые области, а не только экономическую сферу. Подход к разграничению трансграничных и внутренних отношений на основе публичных интересов универсален. Он может применяться не только

к договорным, но и к внедоговорным, ко всем частноправовым отношениям.

Давая характеристику публичным интересам (политикам), оказывающим влияние на определение применимого права, не только американские, но и европейский авторы признают, что, помимо экономических интересов, заложенных в антимонопольном законодательстве или законах о налогообложении, публичные интересы (политики) охватывают еще и традиционные частноправовые области, такие как контракты, брак, развод, собственность и т.д. Это признание, отмечает президент Международной ассоциации юридических наук (I.A.L.S.), президент Американского общества сравнительного правоведения профессор С. Симеонидес, проявляется в большинстве из 84 кодификаций международного частного права, принятых в мире за последние 50 лет. Исследование указанных документов показывает, что при создании этих кодификаций законодательные органы использовали целый комплекс механизмов, предназначенных для защиты конкретных ценностей или интересов государства-участника на международной или межгосударственной арене¹⁴.

Наиболее основательно вопросы использования публичных интересов для определения существенности того или иного иностранного элемента в правоотношении разработаны в доктрине и законодательстве США. Указанные выше примеры с несущественными (нерелевантными) иностранными элементами, фигурирующими в правоотношении, в США отнесли бы к так называемой ложной коллизии (конфликту). В соответствии с теорией Брейнарда Карри (1912—1965), в отличие от коллизии истинной или действительной (*true conflict*), где сразу несколько правопорядков претендуют на свое применение, ложными (*false conflict*) называют те коллизии, где только одно государство заинтересовано в применении его права.

Для того чтобы определить, является ли конфликт ложным или истинным, судья обязан

¹³ См. подробнее: Асосков А. В. Трансграничные и внутренние контракты ...

¹⁴ См. подробнее: *Symeonides S. C. The Choice-of-Law Revolution Fifty Years after Currie: An End and a Beginning // University of Illinois Law Review. 2015. Issue 2. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2568175 (дата обращения: 1 декабря 2017 г.).*

сформулировать интересы вовлеченных в коллизию государств. По мнению С. Симеонидеса, эта часть анализа Б. Карри — единственно разумное решение, оно не является противоречивым, и это объясняет, почему все другие современные подходы приняли это решение¹⁵.

Яркий пример такого подхода дает, в частности, Гражданский кодекс штата Луизиана¹⁶, где в ст. 3540 «Автономия воли сторон» закреплено единое правило, по которому избранное сторонами право не должно наносить ущерб публичному порядку (the public policy) государства (штата), чье право являлось бы иначе применимым согласно ст. 3537. В свою очередь, основной принцип для договорных обязательств, закрепленный в ст. 3537, ориентирован на следующее правило: «За исключением положений об ином, предусмотренных настоящим Титулом, вопрос о договорных обязательствах регулируется законодательством государства, публичным интересам / политикам (policies) которого был бы нанесен наиболее серьезный ущерб, если бы его право не было применено к этому вопросу». В число таких публичных интересов законодатель Луизианы включает, в частности, «защиту одной стороны договора от недолжного влияния другой стороны», «поощрение межгосударственных коммерческих связей», «облегчение упорядоченного планирования сделок». Выбор права, обеспечивающего указанные публичные интересы, происходит на основе учета относящихся к делу контактов каждого государства (штата) со сторонами и сделкой, включая место переговоров, совершения и исполнения договора, местонахождение предмета договора

и место domicilio, обычного пребывания или коммерческой деятельности сторон.

Аналогичный подход к применимому праву установлен и в общем правиле ГК Луизианы для деликтных и квазиделиктных обязательств (ст. 3542). Публичными интересами, служащими ориентиром при выборе права для этих отношений, законодатель называет «предотвращение неправомерного поведения» и «исправление последствий вредоносных действий». Основным критерием по вопросам распределения ущерба и финансовой защиты при определении права для деликтных и квазиделиктных обязательств является выбор из коллидирующих в отношении правопорядков норм права той страны, которые предусматривают «более высокий стандарт финансовой защиты для пострадавшего лица» (ст. 3544 «Вопросы распределения ущерба и финансовой защиты»)¹⁷.

Правила ст. 3544 ГК Луизианы определяют право для ложных и истинных коллизий. В пункте 1 ст. 3544 устанавливается норма, согласно которой в случае, если на момент наступления вреда пострадавшее лицо и лицо, причинившее вред, были domicилированы в одном и том же государстве (штате), применяется право этого государства (штата). Здесь законодатель Луизианы регулирует ложную коллизию. В ее разрешении заинтересовано только одно государство — государство domicilio причинителя вреда и потерпевшего. Применение в этом случае закона места причинения вреда наносит больший ущерб интересам публичного порядка сторон деликта, чем применение права их совместного domicilio¹⁸. В пункте 2 ст. 3544 ГК Луизианы

¹⁵ *Symeonides S. C. The Choice-of-Law Revolution Fifty Years after Currie...* P. 17—21.

¹⁶ Гражданский кодекс штата Луизиана 1825 г. (в редакции Закона 1991 г.) // URL: <http://legis.la.gov/Legis/Law.aspx?p=y&d=110557> (дата обращения: 1 декабря 2017 г.).

¹⁷ Профессор С. Симеонидес, проведший в 2009 г. первое за последние 40 лет комплексное исследование применения судами в деликтных обязательствах принципов, заложенных в ходе американской коллизионной революции, констатировал, что американские суды в 86 % случаев достигали однородных результатов, а в вопросах, связанных с выбором права, предусматривающего публичный интерес в виде «более высокий стандарт финансовой защиты для пострадавшего лица» (ст. 3544 ГК Луизианы) эти результаты достигли 94 % (см.: *Symeonides S. C. Choice of Law in Cross-Border Torts: Why Plaintiffs Win and Should* // *Hastings Law Journal*. December 2009. P. 337).

¹⁸ С 1973 г. (Case of *Jagers v. Royal Indemnity Co.*) Верховный суд Луизианы при совпадающем domicilio причинителя вреда и потерпевшего считает коллизию ложной и правило *lex loci delicti* не применяет

установлены правила, регулирующие истинные коллизии. На подобном механизме построены, в частности, и правила ст. 1219 «Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда» ГК РФ. В пункте 1 ст. 1219 ГК РФ регулируются истинные коллизии, а в п. 2 — ложные¹⁹.

Таким образом, существенность или несущественность того или иного иностранного элемента, фигурирующего в правоотношении (коллизия истинная или ложная), и применимое право определяются в законодательстве США путем взвешивания публичных интересов, связанных с тем или иным элементом. Именно этот критерий требует в одном случае учитывать, а в другом не учитывать иностранное право. Другими словами, значимость, существенность элементу правоотношения придает не сам по себе тот или иной территориальный контакт (национальность, domiciliй, место совершения акта и т.п.), а наличие существенного публичного интереса, обеспечиваемого правом, тесно связанным с территориальным контактом. Этот критерий позволяет разграничивать внутреннее и трансграничное правоотношение.

Трансграничным правоотношение становится только тогда, когда в нем появляется *существенный (релевантный) иностранный элемент* — элемент, который при выборе права невозможно проигнорировать без того или иного ущерба публичным интересам, обеспечиваемым нормами коллидирующего в правоотношении иностранного правапорядка. Во внутреннем правоотношении могут фигурировать только несущественные иностранные элементы либо их может и не быть. В противном случае это правоотношение трансграничное.

Вместе с тем существенные коллидирующие в правоотношении публичные интересы иностранных правапорядков, связанные с тем или иным территориальным элементом, еще не определяют применимое к правоотношению право. Они лишь указывают на то, что данное правоотношение является трансграничным (романо-германская доктрина), коллизия истинной (американская доктрина).

Главную роль при определении применимого права в трансграничных отношениях выполняет не просто существенный, а наиболее существенный публичный интерес, определяемый правоприменителем путем взвешивания всех коллидирующих в правоотношении интересов. Применяется право той страны, публичные интересы (публичный порядок) которой понесут наиболее серьезный ущерб, если ее право не будет применено к отношению. Вектор (наиболее существенный публичный интерес) и соответствующая ему коллизионная презумпция образуют в сумме наиболее тесную связь правоотношения с правом.

Следовательно, для выбора применимого права и во внутреннем, и в трансграничном правоотношениях следует руководствоваться *принципом наиболее тесной связи*, предусматривающим применение судом права той страны, которое связано с наименьшим ущербом для публичных интересов (ценностей), затронутых этим отношением.

Оценка наименьшего ущерба и выбор применимого права производятся судом с учетом последствий такого выбора для публичных интересов (ценностей) страны суда и других государств, с которыми связано правоотношение.

(см.: *Symeonides S. C. Louisiana Conflicts Law: Two «Surprises»* // Louisiana Law Review. 1994. Vol. 54. № 3. P. 498—499. URL: <http://digitalcommons.law.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5496&context=lalrev> (дата обращения: 1 декабря 2017 г.); *Case of Jagers v. Royal Indemnity Company*, 276 So. 2d 309 (La. 1973) // URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1836390/jagers-v-royal-indemnity-company/> (дата обращения: 1 декабря 2017 г.)).

¹⁹ «Если стороны обязательства, возникающего вследствие причинения вреда, имеют место жительства или основное место деятельности в одной и той же стране, применяется право этой страны. Если стороны данного обязательства имеют место жительства или основное место деятельности в разных странах, но являются гражданами или юридическими лицами одной и той же страны, применяется право этой страны».

Таким образом, критерий ущерба интересам публичного порядка является универсальным. Он не только определяет применимое право, тесно связанное с правоотношением (наиболее тесную связь), но и позволяет разграничивать внутреннее и трансграничное правоотношение (коллизию ложную и истинную).

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Выявленные европейской и отечественной доктриной критерии разграничения внутренних и трансграничных *договорных отношений*, основанные на положениях законодательства, касающегося применения императивных норм в международном частном праве, действуют также и для разграничения внутренних и трансграничных *внедоговорных правоотношений*. Это происходит по той причине, что указанные правоотношения построены в законодательстве РФ и ЕС по аналогичной схеме: «*все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной*». Пункт 6 ст. 1210 ГК РФ позволяет распространить критерии разграничения внутренних и трансграничных правоотношений, указанные в п. 5 ст. 1210 ГК РФ, на все остальные частноправовые отношения, не охваченные нормами ни п. 5 ст. 1210, ни п. 2 ст. 1223 ГК РФ.
2. Помимо указанных в доктрине критериев («*все*» и «*в одной стране*»), *внутренним правоотношение может быть признано и при наличии в этом отношении такого иностранного элемента, который является несущественным (нерелевантным)*, т.е. «*не касается существа отношений*» (п. 5 ст. 1210, п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ), «*не имеет отношения к ситуации*» (п. 3. ст. 3 Регламента ЕС «Рим I», п. 2 ст. 14 Регламента ЕС «Рим II»).
3. В законодательстве стран, принадлежащих к романо-германской правовой системе, в том числе и в Гагских принципах о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам, 2015 г., существенность (релевантность) иностранного элемента определяется только набором примеров, указывающих на территориальные контакты (национальность стороны, место заключения контракта и т.п.), т.е. иллюстративно, что не дает возможности не только точно разграничить внутренние и трансграничные отношения, но и определить применимое к отношению право.
4. Значимость, существенность элементу правоотношения придает не сам по себе тот или иной территориальный контакт (национальность, домицилий, место совершения акта и т.п.), а наличие существенного публичного интереса, обеспечиваемого правом, тесно связанным с территориальным контактом. Публичные интересы позволяют разграничить трансграничные и внутренние отношения. Это происходит путем оценки (взвешивания) существенности публичного интереса, связанного с тем или иным территориальным контактом. В случае отсутствия в правоотношении существенных иностранных публичных интересов такое правоотношение является внутренним (романо-германская доктрина), коллизия ложной (американская доктрина). Существенные коллидирующие в правоотношении публичные интересы иностранных правопорядков, связанные с тем или иным территориальным контактом, указывают на то, что данное правоотношение является трансграничным (романо-германская доктрина), коллизия истинной (американская доктрина).
5. Для выбора применимого права и во внутреннем, и в трансграничном правоотношении следует руководствоваться принципом наиболее тесной связи, предусматривающим применение судом права той страны, которое связано с наименьшим ущербом для публичных интересов (ценностей), затронутых этим отношением. Оценка наименьшего ущерба и выбор применимого права производятся судом с учетом последствий такого выбора для публичных интересов (ценностей) страны суда и других государств, с которыми связано правоотношение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Грачев В. В.* [и др.]. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : учебно-практический комментарий / под ред. д. ю. н., проф. А. П. Сергеева. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016. — Ч. 3.
2. *Асосков А. В.* Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // *Хозяйство и право*. — 2014. — № 2. — С. 3—28.
3. *Асосков А. В.* Трансграничные и внутренние контракты: пределы автономии воли сторон при выборе применимого права // *Вестник гражданского права*. — 2011. — Т. 11. — № 4. С. 4—31.
4. *Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева*. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016.
5. *Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии : пер. с нем.* — М. : Бек, 2001.
6. *Symeonides S. C.* Choice of Law in Cross-Border Torts: Why Plaintiffs Win and Should // *Hastings Law Journal*. — 2009. — December. — P. 337—412.
7. *Symeonides S. C.* Louisiana Conflicts Law: Two «Surprises» // *Louisiana Law Abstract*. — 1994. — Vol. 54. — № 3. — P. 497—499.
8. *Symeonides S. C.* Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective // *Convergence and Divergence in Private International Law — Liber Amicorum / K. Boele-Woelki, T. Einhorn, D. Girsberger, S. Symeonides (eds.)*. — Eleven International Publishing, 2010. — Pp. 513—550.
9. *Symeonides S. C.* The Choice-of-Law Revolution Fifty Years after Currie: An End and a Beginning // *University of Illinois Law Abstract*. — 2015. — Issue 2.
10. *Whittaker S.* The Optional Instrument of European Contract Law and Freedom of Contract // *COM. Green Paper*. — 2010. — 348. — P. 1—24.

Материал поступил в редакцию 6 декабря 2017 г.

DIFFERENTIATION BETWEEN INTERNAL AND CROSS-BORDER LEGAL RELATIONSHIP

SHULAKOV Andrey Anatolievich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
docent-law@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article explores the problems of differentiation between cross-border and internal legal relations based on the criteria relating to the operation of mandatory norms in private international law. A detailed analysis of domestic and foreign legal acts and doctrines allows us to conclude that the criterion for considering legal relationship as internal is the connection of all the substantive circumstances to only one country. The study notes that the significance of this or that element of the legal relationship is not a particular territorial contact, but the presence of a significant public interest provided by law and closely related to territorial contact. In the absence of significant foreign public interests in the legal relationship, this relationship is internal (collision is false). Significant conflicting public interests of foreign law and order related to this or that territorial contact point to the fact that this legal relationship is transboundary (Romano-Germanic doctrine), the collision is true (American doctrine). In order to choose the applicable law in both the domestic and cross-border legal relationship, one should be guided by the principle of the closest relationship allowing for the court to apply the law of the country that is associated with the least damage to the public interests (values) affected by this relationship.*

Keywords: *internal legal relationship, false conflict, cross-border legal relationship, true conflict, territorial contact, essential element, public interest, peremptory norms, applicable law, closest relationship.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Abramova E. N., Averchenko N. N., Grachev V. V.* [i dr.]. *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii : uchebno-prakticheskiy kommentariy / pod red. d. yu. n., prof. A. P. Sergeeva.* — Izd. 2-e, pererab. i dop. — M. : Prospekt, 2016. — Ch. 3.
2. *Asoskov A. V.* *Reforma razdela VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» Grazhdanskogo kodeksa RF // Khozyaystvo i pravo.* — 2014. — № 2. — S. 3—28.
3. *Asoskov A. V.* *Transgranichnye i vnutrennie kontrakty: predely avtonomii voli storon pri vybore primenimogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava.* — 2011. — T. 11. — № 4. S. 4—31.
4. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik / otv. red. G. K. Dmitrieva.* — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Prospekt, 2016.
5. *Problemy grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava Germanii : per. s nem.* — M. : Bek, 2001.